

К Л А С С И К И
Ш А Х М А Т Н О Г О М И Р А

Владимир

БАГИРОВ

В.А. Асриян

ББК 75.581
А90

А90 В.А. Асриян. – **Владимир Багиров** – М.: «Спорт», «Человек», 2021,
192 с.

ISBN 978-5-906132-15-4

Книга о жизни и творчестве гроссмейстера Владимира Константиновича Багирова (1936–2000) – шахматиста и тренера. Он входил в команду СССР, выигравшую чемпионат Европы в 1961 году, побеждал в первенстве мира среди студентов, Кубке Европейских клубов, во многих международных турнирах. В качестве тренера он работал с Л.Г. Каспаровым, Л. Полугаевским, М. Талем и др.

ББК 75.581

ISBN 978-5-906132-15-4

© В. Асриян, 2018
© ООО «Спорт», «Человек», оформление,
издание, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Двадцать лет и вся жизнь	5
Баскетбол или шахматы?	5
Новичок преподносит сенсацию	7
Шипы после первых роз	9
Двадцать лет спустя.....	11
Прощай Баку, здравствуй, Рига!.....	13
Вспоминая о прошлом.....	15
Не только о шахматах.....	18
Торжество защитника.....	21
Родом из детства.....	24
Гонимый амоком.....	26
«Шахматы были его жизнью».....	29
Говорят гроссмейстеры.....	31
Друзья-соперники.....	41
Дебют на свой вкус, или защита Алехина-Багирова	47
Идеи, идеи.....	52
Встречи с чемпионами.....	59
Избранные партии	76
Краткой нотацией	164
Приложения	185
Основные турнирные результаты	185
Указатель дебютов.....	188
Указатель партнеров.....	189

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ И ВСЯ ЖИЗНЬ

Баскетбол или шахматы?

В один из теплых сентябрьских дней 1945 года в скромное старое здание бакинского Дворца пионеров и школьников, располагавшееся на улице Хагани, вошел худощавый, элегантно одетый мужчина лет 35, и, сняв шляпу, вежливо попросил вахтера проводить его к директору.

«Артист, должно быть, — подумал вахтер, оценивая внешность и манеры незнакомого посетителя, — наверное, будет вести драматический кружок». Однако многоопытный вахтер, немало повидавший на своем веку, на этот раз ошибся. Пришедший вовсе не был артистом и не собирался приобщать бакинских ребят к искусству Мельпомены. Он поклонялся Каиссе, музе шахмат, и появился во Дворце пионеров для того, чтобы организовать здесь первую в Баку детскую шахматную секцию. Звали этого посетителя Сурен Теодорович Абрамян, и был он известным в Баку шахматистом, одним из сильнейших мастеров Закавказья.

Первые послевоенные годы были временем небывалого интереса к спорту. Страна, одержавшая Великую Победу в тяжелейшей схватке с фашизмом, стремилась к победам и в спорте. Намного позже эта жажда побед нашла отражение в словах популярной песни — «Мы должны всем рекордам наши звонкие дать имена!» С мечтой о грядущих победах десятки, сотни тысяч мальчишек и девчонок по всей стране буквально атаковали спортивные секции, от желающих заниматься футболом, баскетболом, волейболом, боксом, борьбой, легкой атлетикой, плаванием и другими видами спорта не было отбоя. Не стали исключением и шахматы. В Баку, где в военные годы было проведено несколько крупных соревнований, таких, как вызвавший настоящий ажиотаж матч Макогонов — Флор (ход партий которого даже по просьбе раненых бойцов передавался в бакинские эвакогоспитали), турнир пяти с участием Макогонова, Флора, совсем еще юного Бронштейна, Эбралидзе и Абрамяна, полуфиналы чемпионатов СССР 1944 и 1945 годов, интерес к шахматам был огромным. И

неудивительно, что созданная Абрамяном секция Дворца пионеров быстро приобрела особую популярность.

Сурен Теодорович отбирал наиболее способных ребят, из которых, как подсказывало ему тренерское чутье, могут вырасти хорошие шахматисты. И он почти не ошибался в своем выборе. Через школу Абрамяна, получившего впоследствии звание заслуженного тренера СССР, прошли практически все сильнейшие шахматисты Азербайджана 50–60-х годов, в том числе международные гроссмейстеры Владимир Багиров и Татьяна Затуловская. Здесь, во Дворце пионеров, под руководством еще одного ученика Абрамяна – Олега Приворотского – начнет впоследствии свой шахматный путь будущий чемпион мира Гарри Каспаров. Словом, школе этой есть кем гордиться. Так же, как и другой, о которой тоже надо сказать несколько слов – и потому, что она того заслуживает, и потому, что самым непосредственным образом связана с героем моего повествования.

В 1958 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла в свет книга известного спортивного журналиста Виктора Васильева (автора книг «Актеры шахматной сцены», «Седьмая вуаль», «Жизнь шахматиста», «Загадка Таля». «Второе я Петросяна») под названием «Познакомьтесь с шестой спортивной». Эта книга рассказывала о самой престижной в Баку школе, которую называли в городе не иначе как «шестая спортивная». Здесь под руководством известного всем бакинцам физрука Леонида Эдуардовича («Лендардыча») Юрфельда начинали свой путь в спорте многие будущие знаменитости, в том числе прославленный форвард бакинского «Нефтяника», московского «Динамо» и сборной СССР Алекпер Мамедов. Здесь учился в 40-х годах скромный мальчуган по имени Дженик, сын всесильного «хозяина» Азербайджана, первого секретаря ЦК Компартии республики Мир Джафара Багирова, чей особняк располагался по соседству со школой, и уже одно это обстоятельство делало ее особой, «элитной». В «шестой спортивной», которая была мне хорошо знакома, потому что в ее стенах начинался и мой школьный путь, учился и однофамилец Дженика – худощавый, высокий подросток, которого звали Володя Багиров. Юрфельд долго уговаривал его заняться баскетболом (школьной сборной нужны были рослые ребята), но у Володи почему-то не очень лежала душа к этой игре. Правда, и шахматистом Володя становится поначалу не собирался. Но так случилось, что стал все же им.

Ему было 11 лет, когда он, пятиклассник, летом 1947 года переступил порог Бакинского Дворца пионеров и школьников. Пришел,

чтобы записаться в фотокружок, а попал случайно в шахматную секцию и начал заниматься у Абрамяна.

Новичок преподносит сенсацию

В январе 1960 года в Ленинграде стартовал финал 27-го чемпионата СССР по шахматам, собравший по традиции тех лет очень сильный состав. Правда, в последний момент отказался от участия в турнире гроссмейстер Пауль Керес, которого неожиданно включили в состав партийно-правительственной делегации Советского Союза во главе с первым заместителем Председателя Совета Министров СССР А.И. Микояном, в те дни впервые отправившейся с официальным визитом на Кубу, где за год до этого свершилась революция и к власти пришел Фидель Кастро. В Кремле, видимо, сочли, что на родине Капабланки будут рады увидеть среди почетных гостей и известного советского гроссмейстера, да еще такого, как Керес, который не раз встречался за доской с великим кубинцем.

Место Кереса в чемпионате оказалось вакантным, и тогда в турнир решено было допустить 23-летнего бакинского мастера Владимира Багирова, который успешно выступил в полуфинале всесоюзного первенства и, хотя в финал напрямую не попал, но значился первым в кандидатском списке. Имя Багирова никому тогда ни о чем не говорило. Известно было только то, что он лишь в 1958 году стал мастером, выиграв в Баку квалификационный матч у Якова Эстрина со счетом 7,5:6,5, и является чемпионом Азербайджана. Никто дебютанта всерьез не принимал, и кое-кто из участников даже не без ехидства подшучивал над его высоким ростом (свыше 190 см) — «это что за баскетболист здесь появился». Такое снисходительное отношение к новичку объяснялось не только тем, что его никто не знал, но и тем, что он лишь в последний момент был включен в столь представительный турнир, как чемпионат СССР.

«Понимаешь, — рассказывал мне спустя годы Багиров, — я ведь формально, по итогам полуфинала, в финал не попал, хотя сыграл достаточно успешно и был внесен в список кандидатов, который всегда составлялся на случай, если кто-нибудь неожиданно откажется от участия. И вот за 3-4 недели до начала чемпионата Сурен Теодорович Абрамян сказал мне, чтобы я взял отпуск на работе и поехал в Москву. Объяснил он свой совет так: вдруг кто-то откажется играть в финале (мало ли что может произойти), начнут подыскивать замену из списка кандидатов. Если ты будешь в это время в Баку, о тебе мо-

гут и не вспомнить. Поэтому ты должен быть в Москве, напоминать о себе в шахматной федерации, Спорткомитете, и тогда тебя, молодого и перспективного, наверняка включат в финал. Я внял совету Абрамяна, взял отпуск и поехал в Москву. И что ты думаешь! Неожиданно в последний момент отказался играть Пауль Керес, одно место в финале оказалось свободным, и, как и предсказывал Абрамян, его отдали мне. Так что я очень благодарен Сурену Теодоровичу – если бы не последовал его совету, неизвестно, удалось бы мне сыграть в том чемпионате. Ну и конечно, неоценимы были советы Абрамяна по поводу выбора дебютного репертуара и тактики в турнире, которая себя полностью оправдала».

А тактика была такой – играть спокойные, надежные дебюты, вызывать огонь на себя и стараться использовать слабости в позиции соперников, вызванные чересчур авантюрными, плохо подготовленными атаками. Багиров позже вспоминал: «Каждый, кто садился со мной за доску, наверное, считал себя обязанным взять у меня, дебютанта, очко». Но лихие атаки на своего короля бакинский мастер хладнокровно отбивал. Пройдут годы, и когда выяснится, что в лице Багирова советские шахматы получили одного из наиболее искусных мастеров защиты, его станут называть «бакинской крепостью», как когда-то, в далеких тридцатых называли другого бакинца – Владимира Андреевича Макогонова. И первыми почувствовали на себе всю прочность новой «бакинской крепости» участники того ленинградского чемпионата СССР 1960 года. Багиров защищался спокойно и уверенно, не упуская возможности перейти в контратаку, демонстрировал солидную дебютную подготовку, зрелое понимание позиции в миттельшпиле и четкую игру в эндшпиле.

Итог выступления новичка произвел сенсацию. Багиров занял почетное четвертое место вслед за Корчным, Петросяном и Геллером. Причем, в личных встречах он обыграл и ставшего впервые чемпионом страны Корчного (который, правда, допустил грубый промах, случайно взявшись не за ту фигуру), и Спасского, и Бронштейна... Немногие из советских гроссмейстеров, даже самых титулованных, могли похвастать таким замечательным дебютом во всесоюзном первенстве. Багиров получил первый гроссмейстерский балл и, казалось, второй не за горами. В том же 1960 году бакинец успешно выступил в турнире Центрального шахматного клуба в Москве. Здесь он вновь, и на этот раз совершенно заслуженно, обыграл Корчного, которому так и не удалось уже до самого отъезда из СССР в 1976 году уравнять счет личных встреч с Багировым (на два поражения он ответил

впоследствии лишь одной победой – в 1972 году – и три партии закончились вничью). А Бронштейн еще дважды проигрывал бакинцу в финалах всесоюзных чемпионатов – в 1963 и 1972 годах.

Шипы после первых роз

Наградой за успешное выступление в чемпионате СССР стала для Багирова поездка в 1960 году вместе с Юрием Авербахом в Австралию и Индонезию для участия вне конкурса в первенствах этих стран. Разумеется, никто из местных шахматистов составить конкуренцию гостям из Советского Союза не мог, и они уверенно выиграли оба турнира. Авербах был лучшим в Австралии, а Багиров – в Индонезии.

В 1961 году талантливый бакинский «мастер-полугроссмейстер» в составе сборной СССР выигрывает командный чемпионат Европы в Оберхаузене, набрав на своей доске 5 очков из восьми. А в 1962 году он вместе с друзьями по студенческой сборной СССР, которую возглавлял тогдашний чемпион страны Борис Спасский, становится победителем Всемирной студенческой Олимпиады. Но вот дальше в этой так удачно начавшейся шахматной карьере наступают трудные времена. «Полугроссмейстером» Багиров будет оставаться долгих 18 лет, тщетно пытаясь повторить великолепный ленинградский успех 1960 года.

Не раз он был близок к цели, но она вновь и вновь оставалась недостижимой. Например, сильнейший по составу финал чемпионата страны 1963 года в Ленинграде (отборочный в новом цикле борьбы за мировую шахматную корону) Багиров, завоевавший право играть в турнире, начал превосходно. Уже в первом туре он в острой борьбе нанес поражение Бронштейну, применив черными защиту Алехина, которая на многие годы стала его излюбленным оружием и в развитие которой он внес неоценимый вклад, обогатив этот дебют новыми идеями и посвятив ему монографию, приобретшую широкую известность и в СССР, и за рубежом. Багиров верил в защиту Алехина настолько, что, помнится, в финале первенства ЦС ДСО «Буревестник» в 1969 году (проходило оно, кстати, в Баку) он во всех своих «черных» партиях в ответ на 1.e4 играл только 1... ♗f6. Такого, я уверен, не позволял себе никто из самых ярых приверженцев защиты Алехина.

Удачный старт в чемпионате-1963 вселял радужные надежды. Багиров, обыграв черными Бронштейна и Осноса, долгое время шел в лидирующей группе, и даже болезненная осечка в партии с Суэтиным, где он, играя черными, в ответ на эффектную, но отнюдь не

выигрывающую жертву ферзя на g7 избрал из двух возможных продолжений не лучшее (♗h6 вместо ♗g6) и в итоге проиграл, не сбило его с настроев. Хотя, конечно, было потеряно не только важное очко, но и задето его самолюбие искусного мастера защиты. Ему ведь так хотелось опровергнуть эту жертву! Вот что писал об этой на шумевшей партии гроссмейстер Андрэ Лилиенталь: «Делая этот ход (♗:g7 – прим. автора), белые полагались в основном на интуицию и на то, что в практической игре за ограниченное время трудно вести точную защиту от внешне грозного натиска белых фигур. И хотя через несколько месяцев после партии аналитики доказали перевес защиты над атакой, практическая оправданность такой жертвы несомненна».

И все же Багиров мог спасти эту злополучную партию даже после неверного отступления королем, но последовали новые ошибки и в итоге – первый ноль в турнирной таблице. Он взял себя в руки и выиграл у Бондаревского, вновь вернувшись в группу лидеров. Но вот дальше произошло нечто неожиданное – последовали три поражения кряду от Нея, Геллера и Спасского, которые отбросили его далеко назад.

Особенно обидным был проигрыш Спасскому, против которого Багиров, игравший белыми, применил оригинальный дебютный план в сицилианской защите (эту идею Спасский позаимствует у своего соперника и спустя 6 лет использует в 19-й партии второго матча с Тиграном Петросяном, в которой добьется эффектной победы) и получил явно лучшую позицию. В этот момент в пресс-бюро гроссмейстеры сходились на том, что Спасскому вряд ли удастся спасти партию, и лишь мудрый Бронштейн философски изрек, порядком удивив коллег: «Выиграет Спасский, потому что он знает, чего хочет, а Багиров – нет». И, действительно, Багиров словно не мог решить, надо ли ему играть на выигрыш или, избегая острых продолжений, не спеша «поплыть к ничейной гавани». Такая нерешительность, как правило, к добру не приводит. Он промедлил, потерял нить игры и в итоге проиграл. Так превосходно складывавшийся турнир был после трех «нулей» подряд безнадежно испорчен. И только в последнем туре Багиров вновь блеснул – он черными великолепно провел партию с Леонидом Штейном и, внезапно перейдя в контратаку, буквально разгромил соперника, кстати, ставшего в тот год чемпионом СССР.

Итог чемпионата получился не таким уж плохим – 11-е место при 20 участниках, всего на пол-очка позади Корчного, замкнувшего десятку. Но Багиров был недоволен – ведь удачное начало обещало

гораздо большего. Тем не менее результат, а главное, качество игры произвели должное впечатление, и он получил право на поездку вместе с Геллером на представительный международный турнир в Бевервейке. Перед поездкой в Голландию разделил вместе с Антошиным первое место на впервые проведенном в Баку международном турнире, и в хорошем настроении отправился в «страну тюльпанов». Но там его ждало разочарование. Удачно начав турнир, он с третьего по шестой туры неожиданно потерпел четыре поражения подряд (единственный случай в его карьере) – от Лендьела, Пахмана, Портиша и Бобоцова. Было от чего растеряться. Он все же сумел взять себя в руки и выиграл три партии кряду, но рассчитывать на успех уже не мог, закончив турнир с 50-процентным результатом – 7,5 из 15. После этого началась полоса затяжного кризиса, который бакинцу удалось миновать лишь к концу шестидесятых годов. Он неплохо выступает в чемпионатах СССР 1967, 1970 и 1972 годов. В первом из них, проходившем по так называемой швейцарской системе, оказывается на 9-м месте, набрав 8,5 очка из 13. В следующем – делит 10-12 места (при 22 участниках), и, наконец, в чемпионате 1972 года, состоявшемся в Баку, при том же количестве играющих занимает 8-9 строчки в турнирной таблице вместе с Семеном Фурманом.

Однако в начале 70-х годов о Багирове стали говорить больше как о тренере, нежели как о шахматисте. В это время он стал постоянно сотрудничать со Львом Полугаевским, и их творческое содружество оказалось весьма полезным для обоих. Полугаевский получил в лице Багирова прекрасного советчика, надежного, преданного друга, способного помочь и во время подготовки к соревнованиям, и в ходе их (межзональные турниры в Петрополисе и Маниле, претендентские матчи с Карповым, Мекингом, Корчным). Ну а Багиров, постоянно общаясь с одним из сильнейших гроссмейстеров мира, каким, несомненно, являлся в те годы Полугаевский, многое почерпнул для себя, обогатил свою игру новыми идеями. И хотя Багиров перешагнул уже 40-летний рубеж (а это, чаще всего, критический возраст для шахматиста), в его карьере произошел долгожданный скачок.

Двадцать лет спустя

В 1977 году в Баку должен был пройти турнир первой лиги всесоюзного чемпионата, но Багиров в отборе к нему не участвовал, так как ездил с Полугаевским в Швейцарию на претендентский матч с Мекингом, а значит, играть в этом столь важном для него турнире не

мог. Спасение пришло в лице тогдашнего председателя Спорткомитета СССР Сергея Павлова. Он принимал Полугаевского и Багирова после победного матча с Мекингом. Павлов был очень доволен (Мекинга советское спортивное руководство побаивалось — бразилец, которого на родине называли «шахматным Пеле», выиграл уже второй межзональный турнир подряд) и, поздравив с победой, спросил гостей, нет ли у них каких-либо просьб. У Полугаевского их не было, а Багиров, воспользовавшись представившейся возможностью, сказал, что хотел бы сыграть в турнире первой лиги в Баку, объяснив причину своего неучастия в отборе. Павлов сказал, что эта проблема легко разрешима и тотчас дал соответствующую команду. Так Багиров оказался в числе участников турнира первой лиги.

Он понимал, что это, по всей вероятности, последний шанс сделать тот самый решающий шаг и получить наконец заветное гроссмейстерское звание. Чувствовал, что находится в хорошей форме и готов к такому шагу. Это показал и турнир. Багиров отлично провел его, отметившись, в частности, эффектной победой черными над Белявским, и уверенно попал в высшую лигу. И здесь, в Ленинграде, в компании лучших шахматистов страны, он оказался на высоте. Проиграв лишь одну партию (Полугаевскому), он разделил с Геллером и Талем 5-7 места и спустя 17 лет вновь получил гроссмейстерский балл. Второй на этот раз не заставил себя долго ждать. Уже через несколько месяцев (апрель — май 1978 года) в зональном турнире ФИДЕ во Львове с участием ведущих гроссмейстеров страны, куда Багиров был допущен по итогам выступления в высшей лиге чемпионата СССР, он выполнил, наконец, гроссмейстерский норматив, вновь напомнив всем о прочности «бакинской крепости». «Когда он позвонил домой из Львова, то плакал от счастья», — вспоминает его жена Ира. «Наконец-то. Я — гроссмейстер! Я — гроссмейстер!» — все время повторял он.

Радость Багирова понять было можно. Трудной и долгой оказалась для него дорога к гроссмейстерскому званию, в ту пору еще не подверженному нынешней инфляции. Мастером он стал в 1958 году, а гроссмейстером — в 1978-м, когда было ему уже почти сорок два. Дорога длиной в 20 лет! Но эти два десятилетия, которые понадобились Багирову для того, чтобы сделать шаг, отделяющий мастерское звание от гроссмейстерского, были, бесспорно, самыми плодотворными в его шахматной жизни. Все это время он был лидером азербайджанских шахмат, проиграв за 20 лет лишь один чемпионат республики (в 1965 году его опередил Султан Халилбейли).

Он возглавлял сборную Азербайджана на пяти Спартакиадах народов СССР, будучи душой команды и вместе с Татьяной Затуловской ее главной ударной силой. Багиров был участником восьми финалов всесоюзных первенств, что само по себе является великолепным достижением, учитывая высочайший статус этих элитных турниров, собиравших, по существу, лучших шахматистов мира. Он встречался за доской со всеми советскими чемпионами мира – от Ботвинника до Каспарова. И сыграв вничью с Гарри (и отстав от него в итоге на пол-очка) в своем последнем финале – турнире высшей лиги 1978 года, в котором разделил 10-13 места, он понял, что отныне лидером азербайджанских шахмат становится этот 15-летний юноша, которому, без сомнений, уготовано блестящее будущее. Конечно, ему это было не очень приятно, ведь в течение двадцати лет именно он был лучшим шахматистом республики и не имел конкурентов, а теперь надо было смириться с непривычной и задевающей его самолюбие ролью «второго номера».

Прощай Баку, здравствуй, Рига!

А в следующем году – 1979-м – в жизни Багирова произошли большие перемены. Он расстался с Баку, с городом, где прошли лучшие годы его жизни, где у него было много друзей, чью поддержку не переставал ощущать никогда. И он понимал, что, выражаясь словами Сент-Экзюпери, «старых друзей наскоро не создашь и нет таких магазинов, где торговали бы друзьями». Но что поделаешь, спортивное руководство Азербайджана, к которому он много раз обращался с просьбой о содействии в улучшении жилищных условий (а они оставляли желать много лучшего) так и не смогло ничем помочь ему. Багиров даже пытался воспользоваться помощью моего шефа – директора Азербайджанского информационного агентства (Азеринформа) Ефима Григорьевича Гурвича. Дело в том, что в 1978 году Багиров вместе с Гурвичем ездил в Италию в составе делегации Азербайджана, где и познакомился с ним. Возглавлял делегацию тогдашний секретарь ЦК Компартии республики по идеологии Рамиз Мамедзаде, курировавший и вопросы спорта. Багиров, пользуясь случаем, обратился к нему с просьбой о помощи. Мамедзаде предложил поговорить на эту тему по возвращении в Баку. И вот перед тем, как звонить в ЦК, Багиров решил зайти к нам, в Азеринформ, посоветоваться с всезнающим Гурвичем, вхожим к самому Гейдару

Алиеву, негласным советником которого в то время являлся. Я встретил Багирова в приемной Гурвича, он коротко рассказал мне о цели визита, я пожелал ему удачи, и он вошел в кабинет шефа. Беседовали они не очень долго. Ефим Григорьевич сказал Багирову, что позвонить Мамедзаде, конечно, нужно, раз такая договоренность существует. Другое дело, даст ли что-нибудь этот звонок. А в этом опытнейший, всегда хорошо информированный Гурвич, видимо, очень сомневался.

Как и предполагал мой шеф, звонок секретарю ЦК ничего не дал. И тогда Багиров решился на отъезд из Баку. Он понял, что с появлением в Баку такой яркой звезды, как Каспаров, интерес к нему — многолетнему лидеру азербайджанских шахмат, отошедшему теперь как бы на второй план, пропал. А раз так, то ждать прежнего отношения со стороны руководства республики, внимания к тем или иным его просьбам больше не приходится. Его прошлые заслуги никого, и прежде всего республиканский спорткомитет во главе с Геннадием Рзаевым, уже не интересовали. И вняв совету Михаила Таля (своего ровесника), с которым он дружил много лет, Багиров переехал в Ригу. Таль, пользовавшийся огромным авторитетом и популярностью в родном городе, помог выделению для Багирова прекрасной квартиры в Риге, и Владимир Константинович сменил каспийские берега на балтийские. Латвия получила хорошего шахматиста и опытного тренера, который работал со сборной республики и выступал в ее составе как в советские времена, так и после распада СССР, в частности, на Всемирных шахматных олимпиадах 1992 и 1996 годов. Багиров секундировал Талю в самых ответственных соревнованиях, в том числе и на московском межзональном 1982 года, на котором работал и я. Мы сидели с ним рядом в зале гостиницы «Спорт» и помню как он волновался за Талю, у которого трудно складывался турнир. В Риге Володя много занимался с молодежью. Среди тех, кто проходил «багировскую школу», был, между прочим, и один из сильнейших гроссмейстеров мира 90-х — начала 2000-х годов Алексей Широв. Он вспоминал: «Владимир Константинович был моим тренером с 86-го по 89-й годы. На выезде мы всегда жили в одном номере гостиницы. Так было и в Москве, когда мы с Пикетом занимались у Ботвинника, и на чемпионате мира среди кадетов, и на других турнирах. Потом я начал работать с Ланкой, и отношения учитель — ученик у меня с Багировым сменились, скорее, на партнерские. Но отношения наши всегда оставались самыми добрыми. Он был блистательный аналитик и замечательно понимал

игру. Оценка Багирова в анализе как бы подводила черту, его слово было последним».

...В 1979 году, прощаясь с другом, последний раз прогуливаясь с ним по любимому всеми бакинцами Приморскому парку, я видел как тоскливо ему, как не хочется уезжать и у меня самого защемило сердце. И уже в одиночестве возвращаясь домой, всю оставшуюся дорогу я мысленно вспоминал историю своего знакомства с Багировым.

Вспоминая о прошлом

Я впервые увидел Багирова в сентябре 1960 года, когда студентом-первокурсником АзПИ—Азербайджанского Политехнического института — пришел на практику на Бакинский машиностроительный завод имени лейтенанта Шмидта. Возле заводской проходной я почти столкнулся с очень высоким человеком в очках, удалявшимся в сторону от завода. Что-то знакомое почудилось мне в его умном, выразительном лице, и я долго смотрел ему вслед, силясь вспомнить, где его видел. И словно желая помочь мне, стоявший рядом рабочий сказал: «Это — Владимир Багиров, шахматист. Слышал, наверное?» Я кивнул головой. Слышал, конечно, и фото видел в газетах, оттого и лицо его показалось таким знакомым.

Как я узнал потом, то был последний рабочий день Владимира Багирова на заводе (здесь, кстати, работал инженером-энергетиком и Сурен Теодорович Абрамян), куда он пришел в качестве инженера после окончания нефтемеханического факультета Азербайджанского индустриального института. Проработал недолго — всего год. Причину столь быстрого ухода спустя годы объяснил мне впоследствии сам Багиров: «Понимаешь, после того, как я здорово выступил в чемпионате СССР 1960 года, получил гроссмейстерский балл, мне на заводе устроили торжественную встречу, дирекция тепло поздравила, даже организовали банкет в мою честь. Однако потом мне дали понять, что шахматы, конечно, — дело хорошее, но работа все же важнее. И иметь инженера конструкторского бюро, целый год разъезжающего по турнирам, заводу не очень выгодно. Словом, дали понять, что надо выбирать — завод или шахматы. Я выбрал шахматы».

Он ушел с завода и стал получать стипендию Спорткомитета СССР, которая назначалась ведущим шахматистам страны, и размер ее определялся масштабом спортивных успехов получателя. Стипендия, назначенная Багирову, была небольшой — кажется, всего 900 ру-

блей (после хрущевской деноминации 1961 года – 90 руб.) и, в сущности, равнялась его окладу инженера. Но на эти весьма скромные деньги жить тем не менее в то время было можно, а самое главное, он был теперь свободен от работы и мог целиком посвятить себя шахматам. Однако стипендию с Багирова через четыре года сняли после злополучной неудачи в Бевервейке, когда решили, что он не оправдывает возлагавшихся на него надежд. И тогда Багиров занялся тренерской работой. Осенью 1964 года открылась руководимая им шахматная секция спортобщества «Буревестник», председатель которого Сулико Лордкипанидзе всегда с особой теплотой относился к Багирову, старался помочь ему, создать наиболее комфортные условия. И Багиров ценил это. Он вспоминал: «Когда Сулико Константинович организовал мне в 1958 году матч с Эстриным за звание мастера, он ведь сильно рисковал. Никакой уверенности в том, что я выиграю матч у Эстрина – опытного, сильного мастера – не было, а значит, могли быть впустую потрачены деньги весьма небогатого финансами студенческого общества на организацию матча. Но Лордкипанидзе рискнул, он верил в меня, и я благодарен ему за это».

Между прочим, Лордкипанидзе был хорошо известен в студенческом спорте не только Азербайджана, но и всей страны. Вспоминаю декабрьский день 1961 года в Баку, клуб имени Дзержинского, где только что закончился чемпионат СССР по шахматам. В пресс-бюро, куда я, в ту пору начинающий шахматист, «проник» за гроссмейстерскими автографами, счастливый Борис Спасский, впервые ставший чемпионом страны, принимает многочисленные поздравления. К нему подходит Лордкипанидзе («лорд», как его называли в Баку), обнимает, поздравляет. Помню растроганное лицо Спасского и его слова: «Спасибо, Сулико, спасибо, дорогой!» Спасский, как и Багиров, выступал тогда за «Буревестник» и, конечно же, хорошо знал Сулико Константиновича, пользовавшегося большим авторитетом у спортсменов.

Итак, Багиров занялся тренерской работой. И хотя я в ту пору занимался в шахматной секции Бакинского Дома офицеров у Владимира Андреевича Макогонова, решил посещать и багировские занятия в «Буревестнике» – интересно было посмотреть, как он ведет их. К тому же я был студентом-пятикурсником АзПИ и имел формальное право ходить в секцию студенческого общества. Багиров, которому я сказал о том, что имею первый разряд и занимаюсь у Макогонова, не возражал против того, чтобы я был членом и его секции. Тем более, что он достаточно хорошо знал моего брата –

Эдика (много лет спустя он скажет мне однажды с улыбкой, даря свою книгу: «Я знаю, братья Асрияны – самые верные мои болельщики»). Так что все устроилось, и я стал одновременно учеником двух лучших шахматистов Азербайджана – Макогонова и Багирова.

Кстати, Багиров был не только преемником Макогонова, принявшим у него эстафету лучшего шахматиста Азербайджана, но и последователем его творческих установок. Та же классическая постановка партии, безусловная приверженность позиционным принципам, та же высокая техника эндшпиля. Михаил Ботвинник не раз сравнивал Макогонова с Рубинштейном. «Макогонов тонко защищался в стиле, напоминающем лучшие партии Рубинштейна», – писал он в комментариях к одной из партий. Играть в стиле Рубинштейна, а значит и Макогонова, любил и Багиров. «Именно на макогоновских вкусах воспитывались мы, бакинские шахматисты 50-х – 60-х годов, чье становление проходило под непосредственным творческим влиянием Владимира Андреевича. И любой из нас – от перворазрядника до мастера, каждый в свою силу, старался играть по Макогонову», – говорил мне Багиров, когда я готовил к изданию в конце 80-х годов свою книгу о Макогонове. Ну, а кумиром современных Багирову шахмат был Василий Смыслов, одним из тренеров которого многие годы и был как раз Макогонов. Вот такая логическая цепочка преемственности творческих взглядов – Рубинштейн, Макогонов, Смыслов. Их творчество и сформировало шахматное мировоззрение Багирова.

Итак, я стал посещать занятия багировской секции в «Буревестнике». Секция была не очень многочисленной и состояла в основном из студентов бакинских вузов. Хорошо помню всех тех ребят, кто вместе со мной составлял поначалу ее костяк и с кем потом я многие годы играл в бакинских турнирах. Это были Тофик Керимов, Акиф Велибеков и Алик Махмудбеков, Иосик Фишман, Гриша Левинский и Павлик Вайнтрауб, Каро Аскарян, Саша Багдасарян (ныне известный ученый-физик, профессор Московского физико-технического института, академик Национальной Академии наук Армении) и Олег Кочарян, Коля Яковлев и Сережа Терехин. Как видно из этого перечня имен, то был типичный бакинский интернационал – были среди нас и азербайджанцы, и армяне, и русские, и евреи. Приходил одно время даже венгр – Науман, учившийся в Баку в том самом вузе, который заканчивал и сам Багиров. Все мы очень любили шахматы и были одной дружной семьей. Сменялись поколения, одни ребята уходили, другие приходили, но интерна-

циональный состав багировской секции оставался неизменным. В разное время у Багирова занимались ведущие шахматисты Азербайджана – Эльмар Маггеррамов и Айдын Гусейнов (в ту пору мастера, потом ставшие гроссмейстерами), мастера спорта Геннадий Говашелишвили, Ашот Ованесян, чемпион Азербайджана 1981 года Карен Григорян – тезка и однофамилец известного ереванского мастера, многие другие.

Не только о шахматах

Багиров вел занятия интересно и весело. Он любил пошутить, рассказать околосахматные истории, порой анекдотичные (а знал он их множество и был прекрасным рассказчиком) и, закончив анализ какой-нибудь партии или дебютного варианта, он обязательно делал паузу и, желая дать нам, а заодно и себе, расслабиться, предлагал поговорить на отвлеченные темы. Говорили о житейских делах, о бакинских новостях, и, конечно же, о футболе. Футбол Багиров любил самозабвенно, болел (как и я, и еще один член нашей секции – Тoffик Керимов) за ЦСКА и не пропускал ни одной футбольной теле-трансляции. Готов был ради того, чтобы не пропустить ее, сделать быструю ничью в турнире и поспешить к телевизору. Когда в 1970 году в бакинских магазинах появилась книга известного советского журналиста, собственного корреспондента Центрального телевидения в Южной Америке, прекрасного знатока бразильского футбола Игоря Фесуненко – «Пеле, Гарринча, футбол...», вызвавшая небывалый ажиотаж среди любителей спорта, то Багиров одним из первых приобрел ее, и рассказывал мне, смакуя самые интересные места, что прочитал ее буквально взахлеб, за одну ночь. «Беги скорее в магазин «Академкнига», что возле музея Низами, а то расхватают», – сказал он мне. Я, конечно, сразу же рванул в хорошо знакомый мне книжный и купил новинку, которую, как и Багиров, прочитал, что называется, залпом. А много лет спустя уже в Москве, встретившись случайно с Игорем Фесуненко и разговорившись с ним о бразильском футболе, рассказал ему, какой популярностью пользовалась в Баку (и, конечно, не только в Баку) та его книга, за которой последовала и другая, на ту же тему – «Чаша Мараканы».

Особенно интересными были рассказы Багирова о тех крупных турнирах, участником или свидетелем которых он становился. И прекратив уже играть в «серьезные» шахматы, перестав регулярно посещать занятия багировской секции, я тем не менее всегда нахо-

дил время наведаться в «Буревестник», чтобы послушать Багирова, вернувшегося домой после очередной поездки и готового поделиться впечатлениями о закончившемся соревновании — будь то финал чемпионата страны, межзональный турнир или матч претендентов. А вернувшись в 1976 году из Манилы, куда он ездил в качестве тренера Полугаевского на межзональный турнир, Багиров удивил меня рассказом о филиппинских народных целителях — хилерах, способных совершать операции без хирургических инструментов благодаря какой-то особой энергии рук, подобно скальпелю проникающих в человеческое тело. Оказалось, что Багиров на себе испытал чудо такой вот бескровной хирургии — случился приступ, его срочно отвезли к одному из местных хилеров, который удалил ему грыжу. Я слушал его, как сказку Шехерезады, не зная верить ли таким чудесам или нет, настолько это казалась диковинным, невероятным...

Столь же интересно и увлекательно рассказывал он о футбольных и теннисных матчах, которые ему доводилось смотреть. Побывав в середине 60-х годов на московском международном теннисном турнире, он, вернувшись красочно описывал все его перипетии, «нарисовал» портреты наиболее именитых участников, среди которых была совершенно незнакомая мне немецкая теннисистка по фамилии Шахт. И на мой вопрос, чем же знаменита эта спортсменка, вроде бы, не относящаяся к числу теннисных «звезд», он ответил: «Да ты знаешь, что это — дочь того самого Ялмара Шахта, президента Рейхсбанка гитлеровской Германии, которого судили в Нюрнберге, но оправдали вместе с фон Папеном и Гансом Фриче?», — сказал мне Багиров. И заметив, как удивился я, услышав столь любопытную информацию, улыбнулся, довольный произведенным эффектом.

Теннис, кстати, и сблизил нас, несмотря на семилетнюю разницу в возрасте и на то, что я, достигнув лишь кандидатского рубежа, рано оставил шахматы, и общих шахматных дел у нас с Багировым уже не было. Другое дело — теннис. Узнав о том, что я дружу с ракеткой, Багиров предложил мне как-то встретиться на корте «Буревестника», который располагался по соседству с шахматным клубом этого студенческого общества. Выяснилось, что мы играем примерно в одну силу, а значит, можем быть постоянными партнерами. Мы и стали ими. С тех пор (а было это в 1968 году) и до самого его отъезда из Баку мы продолжали наш теннисный спарринг. Теннис был обязательной частью его подготовки к турнирам, и, если я накануне намеченной встречи звонил ему, чтобы предупредить, что у меня есть срочные, неотложные дела и поэтому не смогу прийти, то в ответ слышал не-

довольное «Ты же мне срываешь подготовку!». И трудно было понять – шутит он или говорит всерьез. И чтобы не огорчать его, я, когда был занят, часто просил своего близкого товарища, Рафика Садыхова, хорошо игравшего в теннис, заменить меня в качестве багировского спарринг-партнера. Рафик охотно соглашался, и Багиров был, конечно, очень доволен тем, что мне нашлась замена, и он не упустит возможности сыграть пару сетов.

Играя, он настолько увлекался, что не хотел уходить с корта, особенно, если проигрывал. Вообще он был настоящим Игроком, игроком с большой буквы, во что бы он ни играл – в шахматы, карты, нарды или теннис. Процесс игры, противоборства так увлекал его, что он часто не мог заставить себя прервать его. Однажды во время нашего очередного теннисного поединка полил дождь, я предложил уйти с корта, ведь мы могли испортить его, но Багиров наотрез отказался: «Нет, давай закончим». Мы продолжали играть, грунт совсем размяк, пришел Алик Гаджинский, следивший в «Буревестнике» за состоянием корта, и, поняв бесплодность своих уговоров, снял сетку, чтобы мы не могли играть и поскорее ушли. Но Багирова это не смутило – мы продолжали играть и без сетки, начертив линию посреди корта, как это делает ребятня на своих детских площадках. И только закончив очередную партию, мы ушли с корта, усталые, насквозь промокшие – с наших трусов и маек стекала вода. Багиров, в очередной раз проявил упорство. А однажды Тае Сметенко, которая вела занятия детской теннисной секции «Буревестника», пришлось буквально выгнать нас с корта, потому что при счете 5:5 мы хотели во что бы то ни было доиграть сет, и не давали ей возможности начать очередной урок с уже порядком уставшими от ожидания детьми.

Иногда за нашими баталиями наблюдал муж Таи – Олег Спиридонов, известный бакинский тренер (воспитавший чемпионку СССР Женю Бирюкову и таких известных в то время в стране мастеров ракетки, как Рамиз Ахмеров и Елена Гишиян), с которым дружили и я, и Володя. Олегу нравилось комментировать то, что происходило на корте, он то подшучивал над нами, то давал вполне серьезные советы, как надо было сыграть, объяснял, почему не получился тот или иной удар, и мы внимательно слушали его наставления. Случалось, в воскресные дни на корт приходил поиграть однофамилец Володи – Кямран Багиров, в ту пору секретарь ЦК Компартии Азербайджана (впоследствии, после отъезда в Москву Гейдара Алиева, ставший его преемником на посту первого секретаря ЦК). Кямран в молодости играл и в теннис, и в пинг-понг, участвовал в различных городских и

республиканских соревнованиях, был главным судьей проходившего в Баку в 1961 году чемпионата СССР по настольному теннису. Он вел себя на корте вполне демократично, ведь был человеком из нашего общего мира – мира спорта.

Мы все – оба Багирова, Олег Спиридонов, я и частый гость корта, бывший теннисист-«настольник» Маис Шейдабеков (в 1961 году он вместе с победителем первого всесоюзного первенства ереванцем Арутюном Акопяном стал в Баку чемпионом СССР в парном разряде), усаживались на большую скамейку вблизи корта, обменивались новостями, и не только спортивными, но, конечно, в основном говорили о теннисе, шахматах и футболе. А потом, прежде чем направиться домой, мы с Володей заходили в расположенное рядом с кортом, у подножия фуникулера, летнее кафе «Чинар», где заказывали мороженое и не спеша, с удовольствием, особенно в жаркий летний день, поглощали порцию, а то и две, очень вкусного «пломбира», заодно обмениваясь впечатлениями от нашего теннисного поединка, увлечено анализируя его, словно только что сыгранную шахматную партию. О теннисе он любил говорить так же увлеченно, как и о шахматах. Вспоминаю, как в 1994 году, когда в Москве проходил очередной этап Кубка мира по шахматам, я встретил в турнирном зале Багирова, сидящего рядом со Святославом Мирзой, бывшим бакинцем, который был в конце 50 – начале 60-х годов одним из лучших теннисистов страны, а потом и тренером сборной Москвы и был хорошим шахматистом – например, в чемпионате Азербайджана 1950 года разделил 3-5 места. Я подсел к своим землякам, и мы весь вечер, глядя на сцену, говорили тем не менее не только о шахматах, но и о теннисе, вспоминали бакинских теннисистов – Сергея Лихачева, Олега Спиридонова, известного музыковеда Даниила Христофоровича Данилова – первого чемпиона Азербайджана по теннису, удерживавшего это звание 25(!) лет, кстати, имевшего первый разряд по шахматам и игравшего еще в чемпионатах Баку 20-х годов вместе с братьями Макогоновыми.

Торжество защитника

Играл Багиров в теннис так же, как и в шахматы, – очень цепко, упорно защищался, не отдавая без борьбы ни одного очка. А когда ему удавалось вытащить, казалось бы, совсем безнадежный мяч, он кричал – «ты же знаешь, я – боец!» – и радовался этому так, словно отразил за доской атаку Спасского или Таля. Он действительно был

настоящий боец, мог играть турнирную партию больным, с температурой под 38 градусов а то и выше, и учил такой же стойкости и умению терпеть всех, кто занимался у него. У него в этом смысле, действительно, было чему поучиться. Приведу лишь один пример. Вот небольшая заметка, опубликованная в «64» во время чемпионата СССР 1968 года, проходившего в Алма-Ате.

«В разгар девятого тура международному мастеру Владимиру Багирову, как снег на голову, свалилась лестница-стремянка. Кто так неудачно поставил ее за сценой, установить не удалось. К счастью, было тут «смягчающее обстоятельство» — тяжелый плюшевый занавес смягчил удар. Утешением бакинцу может послужить то, что в этот вечер ему, как снег на голову, свалилась и первая «единица».

Заметка написана легко и с юмором, очевидно, чтобы развлечь, позабавить читателя, но на самом деле ни веселого, ни смешного в том, что произошло, не было. Багиров получил такой сильный удар, что с трудом пришел в себя и все же продолжил партию (хотя судьи имели, наверное, все основания прервать хотя бы на время поединок ввиду чрезвычайного происшествия). И не только продолжил, но и выиграл у Анатолия Лейна, который вел себя отнюдь не поджентльменски, не сдавался в начисто проигранной позиции, очевидно надеясь именно на удар, полученный соперником. Вот каким был бойцовский характер Багирова!

Я такими волевыми качествами особо не отличался, но однажды он помог мне все же проявить их. В ноябре 1967 года в Баку проходил республиканский массовый турнир. Два его победителя попадали во всесоюзный массовый, который в тот год 50-летия Октябрьской революции, должен был заменить обычное, традиционное первенство СССР. Багиров, имевший персональное право на участие во всесоюзном массовом, в республиканском не играл и был судьей. Для меня турнир этот был очень важен — я, имея уже несколько кандидатских баллов, хотел в нем выполнить наконец норму для получения звания кандидата в мастера. Игралось трудно, я уже работал в то время инженером в СКБ «Нефтехимприбор», где, кстати, работал и Ким Вайнштейн — отец Гарика Каспарова, которому в то время было только 4 года, и никому из сослуживцев Кима и в голову не могло прийти, что у него подрастает сын — будущий чемпион мира. С работы меня никто не отпускал пораньше, чтобы можно было хоть немного отдохнуть перед партией, и я приходил на тур порядком уставший после полноценного трудового дня. Тем не менее дела у меня шли хорошо, и перед последним туром я находился в группе